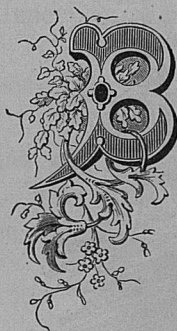

СТАРИННАЯ СКАЗКА

0

СУДЬ ШЕМЯКЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, стояла деревня. Въ той деревнѣ жили-были два мужика: Голой Ерема да Оома Большая Крома. Вотъ, пришла къ нимъ зима сиволапая, затрещали избушки, повалилъ снѣгъ. У кого тепло, у кого добро, а Ерема лежитъ на нетопленной печи, дуется въ кулаки, да думаетъ:

„Ухъ! холодно! нынѣ и морозы стали сердитѣе: нигдѣ мѣста не находишь! Дай-ка, поѣду я въ лѣсъ, дровъ нарублю, да печку вытоплю!“ — Пошелъ къ сосѣду, попросилъ сани. Пришелъ къ Оомѣ, просить лошади. На Оому въ тотъ разъ добрый стихъ нашель.

— Изволь, — говоритъ, — возьми лошадь.

Ерема поклонился, взялъ лошадь, повелъ къ себѣ, да, идучи-то, и думаетъ: „Экой я дуралей! Выпросилъ я лошадь, а хомута не взялъ. Какъ же я запрягу ее? Идти опять къ Оомѣ — еще разсердится, и лошаденки не дастъ. Идти къ сосѣдямъ — скажутъ: что за дуракъ, хомуть забыль, когда лошадь бралъ! Да и придется ли чужой хомуть по лошадакѣ?“ — Голь мудрена. Думаль, думаль, да

и вздумалъ: „привяжу я лошадь къ санямъ хвостомъ?“ — Точно! привязалъ, перекрестился, поѣхалъ.

Ну, ѣхалъ онъ близко ли далеко, низко ли высоко, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Ерема нарубилъ возъ дровъ и поѣхалъ назадъ. Ладно дѣло! Приѣхалъ домой, отворилъ ворота, да и забылъ подворотню вынуть; нукнулъ на лошадь; та уперлась, двинулась: сама-то на дворъ взошла, а возъ-то на улицѣ остался, и съ хвостомъ!

Этакое горе! Какъ теперь къ Оомѣ показаться? Что онъ скажетъ? Взялъ лошадь съ хвостомъ, а отдаешь безъ хвоста! Но, такъ какъ дѣлать было нечего, побрелъ Ерема къ Оомѣ, повелъ съ собою и лошадку безхвостую.

Какъ закричитъ на Ерему Оома Большая Крома, закричитъ, какъ только богатые на бѣдныхъ кричать умѣютъ; у Еремы и ноги подкосились! Повалился онъ въ ноги Оомѣ, просить, плачетъ, умоляетъ. Нѣтъ пощады!

— Какъ ты смѣлъ! Какъ ты дерзнулъ! Какъ ты могъ у моей лошади хвостъ выдернуть!

Ерема увѣрялъ, что она сама его выдернула, отдавалъ себя въ заработку, просилъ простить, просилъ прибить, да только простить.

— Ни прощать, ни бить тебя не стану, — отвѣчалъ Оома, — а пойдѣмъ-ка, пріятель дорогой, къ судьѣ Шемякѣ! Пусть онъ разсудитъ, и что онъ велитъ, то и будь!

Что станешь дѣлать! Оома ухватилъ Ерему за вороты и повелъ его къ судьѣ Шемякѣ.

Недалеко ужъ имъ и до Шемяки судьи, и думаетъ Ерема: „Ну, и безъ бѣды судья бѣда, а у меня такая бѣда надъ головою—куда я дѣнусь! Сгинь моя голова побѣдная! Вотъ подходимъ мы къ мосту, а подъ мостомъ прорубь немалая. Перекрещусь, да брошусь въ прорубь—поминай, какъ звали!“

Сказано—сдѣлано. Только поравнялись съ серединой моста, Ерема говоритъ:

— Пстой, Оома Карпычъ! Вонъ видно отсюда село—дай перекреститься на Божью церковь!

Опустилъ Оома Ерему, а онъ снялъ шапку, положилъ ее на перила моста, перекрестился, да какъ махнетъ съ

моста—только и видѣли его! Бросился Оома къ периламъ, глядитъ—глазамъ не вѣрить: Ерема стоитъ подъ мостомъ,

на льду, живёхонекъ, и держать его тамъ за воротъ здоровый мужичина; подлѣ стоитъ лошадь, запряженная въ сани, а въ саняхъ лежитъ кто-то и молчить.

Сбѣжалъ Оома внизъ, а мужичина уже на встрѣчу ползеть, Ерему съ собой за воротъ волочетъ.

— Что, добрый человекъ,—сказалъ Оома;—какъ звать тебя, не знаю... Куда это волочешь ты этого окаяннаго Ерему?

— Зовутъ меня Артамонъ, сынъ я Сидоровичъ,—отвѣчалъ мужичина.—А ѣхалъ я съ бачкой моимъ къ куму въ гости, новаго пива отвѣдать. Подъѣхали мы подъ этотъ мостъ, и вдругъ свалился съ моста вотъ этотъ окаянный, прямо на моего бачку, и отправилъ его въ дальнюю дорогу, такъ, что онъ передъ смертью и пожалѣть не успѣлъ, что у кума пива молодого не отвѣдалъ. Вотъ я и поворотилъ оглобли: веду этого прыгуна къ судьбѣ Шемякѣ; пусть онъ у него попрыгаетъ, да научится, какъ со мосту не оглядѣвши бросаться, да добрыхъ людей давить!

— Хе, хе!—возгласилъ тогда Оома, по прозванію Большая Крома,—такъ я тебѣ добрый попутчикъ!

Подошли наши просители къ дому судьи Шемяки, смотрятъ: домъ стоитъ во дворѣ, на всей красотѣ, а надъ домомъ поставлена превеликая надпись:

„Домъ правосуднаго судіи Шемяки.“

Ворота растворены настежь, и отъ самыхъ воротъ до крыльца дубоваго снѣгъ расчищенъ, песочкомъ дорожка посыпана—свободный входъ всякому, бѣдному и богатому.

— Ай, да судья Шемяка!—говорятъ просители,—да у насъ и къ сотскому такого свободнаго входа нѣтъ!

Смотрягъ они еще: подлѣ воротъ на улицѣ, по обѣ стороны, врыты два столба высокіе, и подлѣ каждаго столба стоитъ земскій ярыжка съ дубинкой, а на столбахъ прибиты листы, и на листахъ написано что-то такими крупными буквами, что и слѣпой прочитаетъ. Нашимъ просителямъ жаловаться судьѣ Шемякѣ было дѣло небывалое, не знаютъ они ни суда, ни обряда. Сняли шапки, кланяются ярыжкамъ, и хотятъ идти прямо во дворъ, въ ворота.

— Стой!—закричалъ одинъ ярыжка.—Сперва прочитай, что на столбѣ написано!

Просители поглядѣли другъ на друга и отвѣчали:

— Грамотѣ не знаемъ, кормилецъ!

— Ну, такъ слушайте, я вамъ прочту: „Вѣдомо симъ чинится всякому, что никто изъ жалобщиковъ, приходящихъ къ судьѣ Шемякѣ, никакихъ взятокъ никому давать не долженъ, а паче чаянiя кто что дастъ, будетъ судиться, яко виновный въ подкупѣ.“

— Ай, да кормилецъ судья Шемяка!—вскричали просители.

— Ну, теперь давай же за прочтеніе!—сказалъ имъ ярыжка, протягивая руку.

— Какъ: давай? Да вѣдь ты самъ о томъ читалъ, чтобы мы не давали?

— Да развѣ я взятку съ тебя прошу?—вскричалъ ярыжка;—это законное дѣло. Кто тебѣ не велѣлъ грамотѣ знать самому!

— А еслибы мы сами грамотѣ знали?

— Тогда вы должны бѣ были заплатить за то, что сами прочитали. Толковать нечего! Давай, а не то дубинкой по лбу съѣзжу; забудешь, какъ твоего отца зовутъ, да

еще въ тюрьмѣ насидишься за ослушаніе противъ начальства и своевольство!

Толковать было, въ самомъ дѣлѣ, нечего; просители вынули свои мошны, заплатили по алтыну.

— Теперь ступайте къ другому столбу!—проговорилъ ярыжка.

Просители подошли къ другому столбу.

— Знаете грамотѣ?—спросилъ товарищъ ярыжки.

— Нѣтъ, кормилецъ!

— Такъ слушайте: „Вѣдомо симъ чинится всякому, что каждый жалобщикъ, приходящій къ суду Шемакѣ, имѣетъ быть къ нему допущенъ свободно, во всѣ *положенныя* часы, и никто не смѣетъ пришедши уйдти назадъ, подъ опасеніемъ быть судимымъ, яко виноватый.“

— Слышимъ, кормилецъ!—отвѣчали просители, низко кланяясь.

— Давай же за объявленіе,—сказалъ ярыжка,—и отговариваться не смѣй, понеже за ослушаніе будешь виновать!

Просители поглядѣли другъ на друга и заплатили еще по алтыну.

— А ты, молодецъ, что не платишь?—спросили ярыжки Ерему.

— У меня нечего дать,—отвѣчалъ Ерема.

— Такъ и не смѣй ты идти къ суду Шемакѣ, коли за прочтеніе да за объявленіе приказовъ не платишь—пошелъ прочь!

— Да я и не желаю идти къ суду,—сказалъ Ерема;—спасибо вамъ, господа земскіе ярыжки! Пожалуй, хоть приударьте еще меня въ толчки, да прогоните!

— Давай затылокъ, за этимъ дѣло не станеть!

Тутъ Оома и Артамонъ испугались, кланяются; говорятъ:

— Господа земскіе ярыжки! ведемъ мы его къ судьѣ Шемякѣ, а если вы его прогоните, такъ кого же судья судить будетъ?

— Намъ какое дѣло! Платите за него вы, а безъ того не пустимъ.

Просители постояли, подумали, опять развязали мошны и заплатили за Ерему по доброму грошу съ брата. А Ерема между тѣмъ расхаживалъ на улицѣ подлѣ воротъ, увидѣлъ камешекъ порядочный, подумалъ, завернулъ его въ тряпичку и спряталъ за пазуху.

— Все вымѣстимъ на лиходѣѣ нашемъ, когда будемъ у судьи Шемяки!—говорили просители, идутъ, прошли сквозь широкія ворота, пошли по чистой, гладкой, широкой дорожкѣ.

— Стой!—закричали два новые ярыжки и выскочили изъ будокъ, которыя поставлены были во дворѣ по обѣимъ сторонамъ воротъ, такъ, что съ улицы совсѣмъ не были видны.—Куда? Зачѣмъ?

— Къ судьѣ Шемякѣ.

— Давай по три алтына!

— За что, кормильцы?

— Положенное за входъ во дворъ судейскій.

— Что, Артамонъ Сидоровичъ, платить ли намъ?—спросилъ Оома, который былъ скупѣе товарища.— Не вернуться ли намъ?

— Такъ заплатите по шести алтынъ за выходъ!—вскричали ярыжки.

Ни взадъ, ни впередъ! Попались молодцы! Ерема и думать ни о чемъ не хотѣлъ, потому что ему, какъ голому, и тутъ угрожали только толчками, а просители поморщились, да опять за него заплатили.

— Шапки долой! Пени по пяти алтынъ!—закричалъ

главный ярыжка, когда просители подошли къ судейскому крыльцу. Они и не замѣтили, какъ онъ вывернулся, откуда взялся. То-то и бѣда, что просителямъ кажется чистая, широкая дорога къ судейскому крыльцу, а какъ пойдутъ по той дорогѣ, ярыжки словно изъ-подъ земли вывертываются, да такъ змѣйкой въ карманъ и лѣзутъ.

— Послушай-ка, кормилецъ, — сказалъ Оома главному ярыжке. — Читали намъ *проказы* у воротъ, чтобы никому взятокъ не давать.

— Да развѣ вы давали кому-нибудь? Развѣ съ васъ взятки взялъ кто-нибудь? Скажите скорѣе: бѣда и вамъ, и тому бѣда, кто взялъ!

— А вотъ, кормилецъ, заплатили по алтыну у перваго столба.

— За *прочтеніе*.

— Да по алтыну у другаго столба.

— За *объявленіе*.

— Да по три алтына, когда вошли во дворъ.

— За *вхожденіе*.

— А ты, кормилецъ, за что берешь?

— За то, что вы у крыльца шапокъ не сняли.

— А еслибы мы сняли?

— Такъ заплатили бы за *здорово живешь*.

— Какъ: за здорово живешь?

— Да такъ, потому что я приставленъ здѣсь говорить всякому, кто не придетъ: „*здорово живешь*“, а за это взносится по пяти алтынъ.

— Была не была! — Заплатили молодцы, вошли на высокое судейское крыльцо, подошли къ двери. Дверь заперта. Стукнули разъ, и за дверью кто-то сильнымъ голосомъ произнесъ: „Гривна!“ — Стукнули въ другой, и тотъ-же голосъ произнесъ: „Другая!“ — Стукнули въ

третій, и тотъ-же голосъ въ третій разъ промолвилъ:
„Третья!“

— Ой, братъ! да не на нашъ ли карманъ это насчитываютъ!— молвилъ Оома.

— Подразумѣвается!— произнесъ невидимка; маленькое окошечко въ двери отворилось; протянулась изъ него костлявая рука, крючкомъ изогнутая, и невидимка за дверью произнесъ:— Положи по три гривны съ брата!

— Кормилецъ! за что же?

— А за то, что вы въ *положенный* день пришли. Развѣ не читали приказа у входа?

— Артамонъ Сидоровичъ! не пойдти ли намъ назадъ!— шепнулъ Оома.

— Такъ за безчестье положенному дню и напрасное челобитье давай по шести гривенъ.

— Отворяй двери—бери деньгъ!

— Нѣтъ! сперва заплати, тогда отворять.

— На, бери деньги.

— Взялъ.

— Отворяй.

— Нѣтъ! погоди—надобно еще дьяку доложить.

— Такъ иди, да докладывай!

Рука опять протянулась, а дверь не отворялась.

— Иди же докладывать?

— Вы должны *доложить*, а тогда и двери настезь!

Еще по гривнѣ съ головы слетѣло въ костлявую руку невидимки. Дверь наконецъ растворилась. Глядятъ просители: стоитъ цѣлый рядъ подъячихъ, протянулся до самого того стола, за которымъ сидитъ дьякъ, пишетъ, перомъ пощелкиваетъ и не глядитъ.

Не знали просители что тутъ дѣлать. И вотъ съ правой стороны протянулась подъяческая рука крючкомъ и

говорить первый подьячій: „На отопленіе судейской!“ Протянулась другая, говоритъ другой: „На бумагу для жалобы!“ Протянулась третья, говоритъ третій: „За записку просьбы.“ Протянулась четвертая, говоритъ четвертый: „За печать!“ Протянулась пятая... Словомъ, протянулось четырнадцать рукъ, и каждая вытянула изъ мошны у каждаго просителя по нѣскольку алтынъ. И съ горя, и съ расхоловъ, и съ холоду, повалились просители въ ноги дьяку, кричатъ, вопятъ:

— Смилуйся, отецъ!

— Что вы?—спросилъ дьякъ.

— Жаловаться судьѣ Шемякѣ.

— На жалобу нѣтъ запрещенія. Справедлива ли жалоба?

— Эй, отецъ, ужь какъ справедлива, кормилецъ!

— Не бралъ ли кто-нибудь съ васъ взятокъ, пока вы дошли до меня?

— Нѣтъ, кормилецъ! брали съ насъ много, а взятокъ не бралъ никто.

— Имѣешь ли ты *наличныя* доказательства въ правотѣ своего дѣла?—спросилъ дьякъ у Оомы.

Тотъ подумалъ, подумалъ, и отвѣчалъ:

— Со мной никакихъ доказательствъ на лицо нѣтъ!

— Хорошо, а ты имѣешь ли?

— Нѣтъ!

— А ты имѣешь ли?

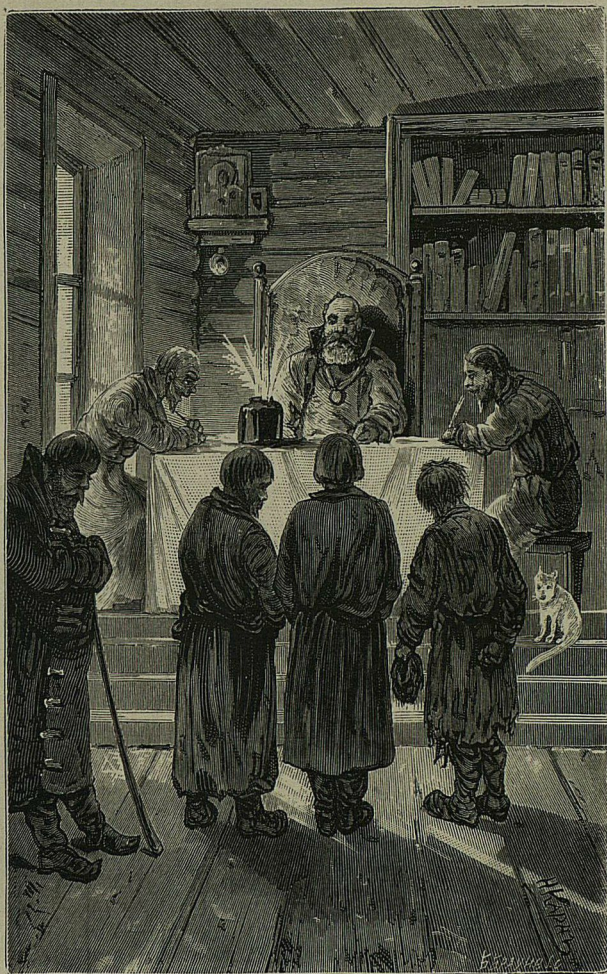
Ерема смѣкнулъ и отвѣчалъ:

— Имѣю.

— Покажи.

Ерема вынулъ изъ-за пазухи камень въ тряпичкѣ, и изъ-за спины Ооминою показалъ дьяку.

— Ладно!—молвилъ дьякъ. Онъ всталъ, растворилъ двери и ввелъ просителей въ судейскую.

Глядятъ наши молодцы: сидитъ старый судья Шемяка, на большой скамьѣ, за большимъ столомъ; съ одной стороны стоитъ черница въ полтора ведра; съ другой лежатъ большою охапкою перья лебединыя. Хорошъ судья Шемяка, толстъ, красенъ, дородень. ноздри раздуваетъ, правду изрекаетъ. Испугались, струсили, оробѣли наши просители, кланяются въ землю.

— Судья Шемяка!—заговорилъ дьякъ, подошедши къ судейской скамьѣ;—бьютъ тебѣ челомъ два просителя на одного отвѣтчика!

— Гмъ!—промолвилъ Шемяка и поднялъ носъ кверху.

— *Наличныхъ* доказательствъ не имѣютъ!

— Гмъ!—промолвилъ опять Шемяка и погладилъ по широкой своей бородѣ рукою.

— Не имѣютъ! А отвѣтчикъ *наличныя* доказательства *имѣетъ!*

— Гмъ!—молвилъ еще разъ Шемяка, потянулся по лавкѣ, выдвинулъ брюхо впередъ, голову закинулъ за спину, глаза уставилъ въ потолокъ, сложилъ ногу на ногу и сказалъ:—Объявленъ ли просителямъ приказъ, что посуловъ не принимаютъ?

— Объявленъ.

— И такъ, судъ *по формѣ* начинается. Жалуйтесь по порядку!

И вотъ Оома повалился въ ноги судьѣ Шемякѣ, объясняетъ сущую правду, какъ Ерема у лошади его хвостъ выдернулъ.

— Ну, что ты, отвѣтчикъ, скажешь?—возговорилъ судья Шемяка.

— Я не виноватъ, что онъ не далъ мнѣ хомута, и что у его лошади хвостъ не крѣпко держался!

— А чѣмъ докажешь?

Ерема не отвѣчалъ, а изъ-за Оомы показаль судьѣ ШемякѢ камень въ тряпичкѢ.

— Гмь!—промолвилъ судья Шемяка и тихо прибавиль:— „*сто рублей навѣрное.*“

— Правь!—возгласиль онъ.—Слушай, проситель: отдай ты свою безхвостую лошадь этому негодяю, и пусть онъ держить ее у себя до тѣхъ поръ, пока у нея опять хвостъ выростеть. Тогда возьми себѣ лошадь, и съ хвостомъ, а если онъ хвоста отдавать не будетъ, дозволяется тебѣ жаловаться законнымъ порядкомъ. Дьякъ! вывести просителя, и взять съ него надлежащую подписку, пошлины, приказный сборъ и прочее, какъ слѣдуетъ.

Оому подхватили и повели въ подъяческую, а Артамонъ повалился въ ноги судьѣ ШемякѢ, объясняетъ существую правду, какъ Ерема съ моста прыгнулъ и отца его задавилъ.

— Ну! что ты, отвѣтчикъ, скажешь?—возговориль судья Шемяка.

— Я не виновать, что отцу его вздумалось подѣхать подъ мостъ, когда я прыгнулъ, и что отецъ его не увернулъ, когда я на него упаль.

— А чѣмъ докажешь?

Ерема не отвѣчалъ, а изъ-за Артамона показаль судьѣ ШемякѢ камень въ тряпичкѢ.

— Гмь!—промолвилъ судья Шемяка, и тихо прибавиль:— „*еще сто рублей навѣрное!*“

— Правь!—возгласиль онъ.—Слушай, проситель: поди ты, стань на мостъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояль этотъ негодяй, а его поставь на то самое мѣсто, гдѣ ѣхаль твой отецъ, и потомъ спрыгни на него съ моста и задави его, точно такъ-же, какъ онъ задавилъ твоего отца. А если ты, спрыгнувши, его не задавишь, дозво-

ляется тебѣ снова жаловаться на него законнымъ порядкомъ. Дьякъ! вывести просителя, и взять съ него надлежащую подписку, пошлины, приказный сборъ и прочее, какъ слѣдуетъ.

Артамона подхватили и повели въ подъяческую. Остались въ судейской судья Шемяка, дьякъ да Ерема.

— Ну!— сказалъ судья Шемяка; — доволенъ ли ты моимъ судомъ?

— Доволенъ,— отвѣчалъ Ерема.

— Такъ подавай же доказательства того, что доволенъ.

— И за этимъ не станеть!— отвѣчалъ Ерема, вынулъ тряпичку, развязалъ и показалъ судья Шемякѣ камень.

— Какъ?— воскликнулъ Шемяка.— Стало быть, ты не хотѣлъ мнѣ за каждое рѣшеніе давать по сту рублей, и не деньги, а камень мнѣ показывалъ? Для чего же ты мнѣ его показывалъ?

— А вотъ для чего: еслибы ты судилъ не по мнѣ, такъ я этимъ камнемъ прямо бы тебѣ въ лобъ пустилъ!

Судья Шемяка посмотрѣлъ на камень, подумалъ и сказалъ:— Увѣсистъ камешекъ выбралъ!— Потомъ онъ перекрестился и промолвилъ:— Слава Богу, что я по немъ судилъ! Еслибы, да пустилъ онъ мнѣ въ лобъ этимъ камнемъ, такъ навѣрное лбу моему уцѣлѣть было бы невозможно. Но, на чемъ же ты основывался, оправдываясь въ судѣ такимъ образомъ?

— На известной поговоркѣ, правосудный судья Шемяка: семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ.

— Правъ, правъ! — возгласилъ судья Шемяка.— Казусное однакожь дѣло! Дьякъ! вытолкать этого негодяя, а впередъ постановить правиломъ на судѣ: не принимать наличныхъ доказательствъ безъ надлежащаго предварительнаго осмотрѣнія, и если кто таковыя, или тѣмъ по-

добныя доказательства представить вознамѣрится, каковыя сей негодяй представилъ, то оныхъ не принимать, *поелмику*... Ну, да „поелику“—то ты ужь тамъ подведи, какъ законы повелѣваютъ!

Ерему вытолкали изъ судейской, а у воротъ на улицѣ встрѣтилъ онъ Оому и Артамона, которые стояли и думали: „Жаль хвоста, да все-таки лошадь-то и безъ хвоста денегъ стоитъ!—Жаль отца, да все-таки своя голова на что-нибудь да пригодится!“

— Ерема!—сказалъ Оома,—чѣмъ братъ тебѣ у меня лошадь безхвостую, возьми лучше корову, и передъ тобой она! Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ!

— Пожалуй!—отвѣчалъ Ерема.

— Ерема!—сказалъ Артамонъ,—чѣмъ мнѣ прыгать на тебя съ моста, возьми лучше, я подарю тебѣ, хату теплую, владѣй на здоровье: вѣдь иной разъ такъ прыгнешь, что потомъ и прыгать не станешь!

— Пожалуй!—отвѣчалъ Ерема.—Давно бы вамъ такъ. Право, худой миръ лучше доброй ссоры.—

И конецъ *сказки о судьѣ Шемякѣ!*

Н. Полевой.

